

УДК 327

ТЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА. ПОПЫТКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОДЧИНЕНИЯ ЦЕРКВИ

© 2023 **ЩИПКОВ Александр Владимирович***

Доктор политических наук

Ректор Российского православного университета святого Иоанна Богослова

Советник председателя Государственной Думы ФС РФ

127051, Россия, Москва, Крапивенский пер, 4

**E-mail: mail@shchipkov.ru*

Поступила в редакцию 17.02.2023

После доработки 25.03.2023

Принята к публикации 12.04.2023

Аннотация. В статье рассмотрен культурный гибрид – религиозная политология, или теополитика. В рамках этого феномена язык церковной проповеди и катехизаторских практик оказывается подчинен дискурсу политических активистов. Примерами служат майданное богословие, Декларация об учении «о русском мире», польский политический католицизм, присоединение клириков Гродненской епархии к змагарской оппозиции в 2020 г. и др. Религиозная политология рассматривает политику как религиозную практику. С точки зрения политической теологии, напротив, политические вопросы должны быть сведены к теологическому канону. Задачи религиозной политологии (теополитики) решаются при тесном участии модернистской теологии. Последняя стремится к секулярной трансформации христианского канона, в частности к сакрализации какого-либо события светской истории. Этот принцип свойственен концепциям из разряда так называемого богословия после (после Освенцима, после 11 сентября, после пандемии и т.д.). Таким образом, под контроль берется пространство церковной проповеди, проповедничество переосмысливается в русле политической агитации, церковность репрезентируется как подсистема гражданского общества. Подчеркнута важность мотивов «слабой» Церкви и «слабого» Бога для создания богословского обоснования идей религиозной политологии. Сделан вывод, что

религиозная политология – это одно из проявлений новой секулярной Реформации, направленной на секуляризацию церковных институтов.

Ключевые слова: модернистское богословие, новая Реформация, политическая теология, религиозная политология, секулярная Реформация.

DOI: 10.31857/S0201708323030129

EDN: btcijr

Связь между политическим и теологическим в рамках современного интеллектуального поля становится все более тесной и порождает различные, порой разнонаправленные тенденции, которые требуют внимательного рассмотрения.

В целом отношения политики и религии определяются общей тенденцией современной культуры к формированию постмодернистских гибридов, будь то специфика гибридных войн XXI в. или процессы постсекулярного порядка. Позиция взаимного невмешательства религии и светской политики оказалась недостижимой: достаточно взглянуть на то, как постмайданный режим в Киеве прибегает к репрессиям по религиозному признаку против клириков Украинской православной церкви Московского патриархата. Митрополит Запорожский и Мелитопольский Лука (Коваленко) в связи с этим подчеркнул: «Масштабы гонений времен Сталина–Хрущева на Церковь ничтожно малы по сравнению с тем, что происходит сейчас»¹.

Однако если рассмотреть религиозно-политические взаимодействия отстраненно как борьбу двух дискурсов (политического и теологического), то мы вынуждены признать, что между ними продолжается спор о том, кто будет ведущим, а кто – ведомым в современной секуляристской (секулярной по самоопределению, но квазирелигиозной по существу) культуре. Объектом анализа становятся стратегии этого противоборства.

В рамках такой оптики можно говорить о стремлении ряда политических групп перехватить контроль над символическим ресурсом, накопленным и сохраняемым религией, и перенаправить его на достижение собственных целей. Эти тенденции знакомы по таким примерам, как майданное богословие, польский политический католицизм, роль клириков Гродненской епархии в белорусских событиях 2020 г. и т. п. Данные явления имеют двойное происхождение. С одной стороны, они активно поддерживаются либеральными политическими кругами в секулярном пространстве, с другой – лежат в русле настойчивой пропаганды «церковного республиканизма» со стороны клириков и мирян, склонных к греко-протестантским воззрениям и постмодернистскому смешению христианских догматов с догмами политического либерализма. Обе тенденции – либерально-секулярная и греко-протестантская, будучи встречными и взаимозависимыми, способствуют как теологизации политического дискурса, так и секуляризации «голоса Церкви».

¹ «Масштабы гонений времен Сталина–Хрущева на церковь ничтожно малы по сравнению с тем, что происходит сейчас» – митрополит Запорожский и Мелитопольский Лука. URL: <https://melitopol-news.ru/society/2023/03/12/27426.html> (дата обращения: 24.03.2023).

С точки зрения дискурсивного анализа данные процессы выглядят как вторичное «похищение языка» в классическом понимании Ролана Барта [Барт, 1989]. Язык церковной проповеди и катехизаторских практик оказывается подчинен дискурсу активистов «оранжевых революций» и сторонников политического неообновленчества, представляющих современную церковность в духе идей «республиканской» и «национальной церкви». Итогом становится формирование на базе политизированного богословия устойчивого постмодернистского гибрида – религиозной политологии.

Наиболее яркий пример религиозной политологии – это доктрина богословия майдана, изложенная в 2013 г. в одноименной статье архимандритом Кириллом Говоруном¹, в настоящее время выведенным за штат. Кирилл Говорун – сторонник ультраправой, бандеровской идеологии киевского режима, а его идеи стали частью теоретического обоснования (в религиозном аспекте) украинского государственного переворота 2014 г., приведшего в том числе к упомянутым выше репрессиям по религиозному признаку. Другой пример религиозной политологии – позиция ряда клириков Гродненской епархии в период змагарского путча в Белоруссии в 2020 г. и использование пропольской и проамериканской пропагандой жанра церковной проповеди [Щипков, 2021].

Третий – очень яркий и более свежий пример. В марте 2022 г. на сайте Академии богословских исследований г. Волосс (Греция) опубликован документ под названием «Декларация об учении “о русском мире”». В нем концепция русского мира рассматривается как богословская ересь, хотя по своему содержанию миссия русского мира является культурно-исторической и никак не связана с богословием. Декларация подписана отдельными представителями западной либеральной профессуры, в частности богословской.

Разумеется, Декларация находится за рамками строгой науки. Авторы документа демонстративно проигнорировали культурно-исторический аспект проблемы, не указывая на конкретные признаки теологизма в понятии «русский мир». Фактически здесь имеет место типичное проявление западной «культуры отмены» – запрет целой национальной группе (русским) на культурно-историческую самоидентификацию. Логика такого запрета подразумевает, что арабский, тюркский, британский миры онтологичны, реально существуют, но русского мира «не может быть, потому что не может быть никогда». По существу, это отрицание русской общности как таковой. Характерно, что создатели Декларации, пусть некорректно, но использовали именно теологический аргумент. Речь идет не просто о нарушении каких-то политических табу – привлекается термин «ересь», взятый в исходном религиозном смысле.

Случай с фантазийным понятием «русмирианская ересь» может быть рассмотрен в попперианском контексте демаркации (разграничения) между научными и метафизическими концепциями. Однако с точки зрения заявленной проблематики показательнее разграничение между классической политической теологией, из-

¹ Архимандрит Кирилл (Говорун). Богословие Майдана. Правмир. 12.12.2013. URL: <https://www.pravmir.ru/bogoslovie-majdana/> (дата обращения: 24.03.2023).

вестной со времен Макса Вебера и Карла Шмитта [Шмитт, 2000], и зеркальным подходом в русле религиозной политологии. Некоторые современные исследователи высказывают мнение о неразличимости этих направлений: «У нас нет абсолютного или определенного критерия, который позволит тот или иной феномен обозначить как теологический или, напротив, нетеологический» [Коначева, 2022: 215]. Однако кардинальное различие двух подходов прослеживается на уровне исходных методологических установок: религиозная политология рассматривает политику как религиозную практику, с точки зрения политической теологии, напротив, политические вопросы должны быть сведены к теологическому канону. Если этого сведения не происходит, то политика начинает имитировать различные фигуры теологической мысли. Например, патрональное государство оборачивается калькой с монотеизма (единобожия), а либеральное постмодернистское – воспроизводит в светских формах языческую архаику. Политическим аналогом религиозного чуда в рамках этой логики становятся революция, чрезвычайное положение и т. п.

Таким является различие между классическим и постмодернистским пониманием связи теологии и политики. Обозначив его таким образом, можно переходить к анализу гибрида религиозной политологии (теополитики). Этот феномен может быть рассмотрен в рамках концепции имплицитной религиозности – «недостаточно оформленной по сравнению с традиционными верованиями, но влияющей на формирование знаний, культурных смыслов и моделей поведения современного человека» [Михельсон, 2014: 155]. Логика и алгоритм такого анализа более или менее понятны и заключаются в выделении семантики сакрального, описании ее места и роли в структуре теополитического дискурса и т. д.

Подобный анализ требует отдельного исследования, и в рамках настоящего текста нет необходимости останавливаться на этом вопросе подробно. Более существенно, что полная теологическая характеристика объекта теополитики невозможна без учета роли модернистского богословия. Здесь сразу стоит указать на некий методологический симбиоз. Если теолог-модернист стремится выразить на богословском языке секуляристские идеологемы, идиомы и нормативы (например, «после Освенцима, после 11 сентября, после пандемии богословие должно измениться и проповедовать “встречу с Богом в Другом”, а не традиционные ценности»), то религиозный политолог использует фигуры и интуиции христианской мысли как конструктивные элементы собственного политического дискурса среди других элементов. Например, «если вы верны евангельским заповедям, собирайте информацию на членов семей полицейских» или «отдайте оппозиции улицу, если в вас живы христианские чувства». В обоих случаях возникает постмодернистский культурный гибрид.

Главная проблема такой дискурсивной практики – соединить религиозное с политическим так, чтобы генетические и стилевые различия между ними маскировались общей гражданской риторикой политолога (или политтехнолога) и не были заметны беглому взгляду. Для решения этой задачи привлекаются течения модернистской теологии, с уже встроенным социально-политическим и политико-идеологическим контентом. Подобные конструкции легко перелицевать, выведя политическое на уровень рамочного текста.

В ряду используемых таким образом модернистско-богословских течений можно выделить как относительно публицистические и массовые, так и утонченные варианты, сформированные в среде профессорского богословия. К первой категории, в частности, относятся богословие майдана, богословие после 11 сентября, богословие после пандемии. Ко второй – такие направления, как богословие после Освенцима, богословие смерти Бога или слабые теологии. Все эти концепции объединяет то, что их легко использовать как заготовки для политических задач, и виной тому – секулярная трансформация христианского канона. Такой трансформацией может быть, например, сакрализация какого-либо события светской истории (что означает десакрализацию Священной истории), свойственная концепциям из разряда так называемого богословия после.

Возьмем для примера расхожее утверждение: «После Освенцима христианство уже не может быть прежним, поскольку это событие перевернуло общество». Обычно этому выводу предшествует трудный вопрос: «Где был Бог в Освенциме?». На основании эмоционального шока от трагедии Освенцима делается вывод: современное богословие непременно должно измениться, иначе религия окажется на задворках общественной жизни. Стоит напомнить, что нацизм – человеконенавистническая идеология, имеющая абсолютно секулярное происхождение (коллорационистский грех Немецкой евангелической церкви (1933–1945) не распространяется на большинство христианских церквей). Тем не менее итоговим выводом из трагедии становится требование пересмотреть стандарты не секуляризма, а традиционного христианского богословия. Эта логика вызывает большие сомнения. Очевидно, что она основана на иррациональной апелляции к эмоциям, сочувствию и справедливому негодованию, однако энергия этих естественных и более чем справедливых чувств используется не по назначению, в узкогрупповых, идеологических целях.

Важная особенность концептуальной схемы «богословия после» состоит в том, что сакральное событие непременно должно быть трагическим. В этом случае на любую последовательную критику можно ответить общим обвинением в неуважении или недостаточном внимании к памяти жертв. При этом, как правило, игнорируются аналогичные и не менее трагические события более ранней истории, такие как Варфоломеевская ночь, геноцид индейцев или зверства испанской инквизиции по отношению к евреям. Необходимо, чтобы сакральное событие было недавним, это позволяет легко увязать церковные проблемы с проблемами современности.

Общий вывод из логики религиозно-политологического подхода обычно такой: критерии сакральности должны теперь определять гражданские культы и символы. Так осуществляется секуляризация теологического дискурса. Происходит присвоение критериев религиозной сакральности и нравственных дефиниций, берется под контроль пространство церковной проповеди, проповедничество переосмысливается в русле политической агитации, а церковность репрезентируется как подсистема гражданского общества.

Внимательно рассмотрев тезис о том, что мир после определенных событий внезапно и необратимо меняется (как будто заново рождается), мы увидим секулярный аналог переходного обряда, который по умолчанию должен пройти каждый член цивилизованного общества (это или вариант «повторного Крещения», или отголоски нехристианских ритуальных практик). Так секуляризм оборачива-

ется альтеррелигиозностью, которая де-факто является его подлинным основанием. Исходя из этого, например, в западной радикал-ортодоксии (в частности, в работах Джона Милбанка) секуляризм определяется как негативная теология [Milbank, 2006].

Сакрализируя светское социальное событие, теолог-модернист и религиозный политолог призывают начать богословие с чистого листа – «обнулить» традицию. Отсюда происходит известный термин «сброс на ноль» (обозначает общее условие развития богословских идей и их адаптации к изменившемуся социокультурному контексту) [Разумовский, 2008]. В случае отказа от такой перспективы современных верующих обвиняют в отсталости и нежелании говорить на языке современности. На этом основании Церковь объявляется препятствием для обновления, которое непременно нужно устранить. Нередко при этом говорится о слабости, социальной ущербности и бесполезности Церкви и даже (иногда) о ее неполной исторической легитимности. В результате следует вывод: если Церковь слаба и бесполезна и ее проповедь бессмысленна, значит, необходимо менять параметры богословской мысли, подчинив ее актуальной общественной повестке, т. е. позициям секулярного официоза, например, в порядке некоего богословского апгрейда, демифологизировать Евангелия в духе Рудольфа Бультмана. В подтекст при этом закладывается мысль о том, что Церковь не всегда была, а именно недавно стала несостоятельной. В такой аранжировке антицерковная позиция выглядит как бы процерковной – как стремление «налить старое вино в новые мехи».

Вслед за образом несостоятельной, слабой Церкви в поле модернистского богословия возникает образ слабого Бога, неспособного предотвратить войны и революции, влиять на земную историю, иначе говоря: это Бог с маленькой буквы – «не высшее существо, а внушающий голос <...>, не демонстрация „подавляющей силы“ <...>, а приглашение» [Caputo, 2019: 33]. Слабый Бог воспринимается как единственно возможный, подлинный, отрицающий господство над тварным миром ради испытания человека. На этом фоне истинный Бог Библии де-факто отрицается как слишком амбициозный, как бог-Левиафан. Очевидно, что это богословие секуляризированного христианства (*secular Christianity*), прототипом которого является демифологизированное христианство Дитриха Бонхеффера.

С канонической точки зрения позиция «богословия после», придающая событиям светской истории религиозное и даже надрелигиозное измерение, ведет к искажению образа Священной истории. В рамках «богословия после» происходит игнорирование роли теодицеи, уход от канонического объяснения того, как сочетаются всеблагодать Господа и наличие зла в мире, т. е. построение своего рода антитеодицеи.

Как уже отмечалось, секуляризация религиозного пространства и теологизация политики – это встречные процессы, связанные общим основанием. Его вполне можно охарактеризовать как процесс новой секулярной Реформации. Секуляризация прежде касалась общества и государства и привела к отделению от них Церкви. Новая секулярная Реформация – это переход от секуляризации общества и государства к секуляризации самой Церкви. В отличие от атеистического проекта «отмены» Церкви, он подразумевает формирование Церкви нового типа, ко-

торая изменила бы цели своей миссии¹. Сторонники данного проекта также неоднократно заявляли о такой трансформации, подразумевая, например, превращение Церкви в «конфедерацию независимых православных приходов» или религиозный «блокчейн»².

Таким образом, следствием рассмотренных в статье тенденций, существующих на стыке политической и религиозной жизни, становится устойчивый постмодернистский культурный гибрид – религиозная политология (или теополитика). Для религиозной политологии теология – это инструмент сакрализации политики, орудие политтехнологий: именно при таком использовании теологии политика превращается в квазирелигиозный феномен.

Религиозная политология имеет двойное происхождение. С одной стороны, это следствие попыток секуляризации Церкви, которые ведут к сращиванию религиозности с политикой и политическими идеологиями. С другой – происходит встречный процесс: с позиций уже сформировавшейся религиозной политологии в церковном пространстве лоббируются светские программы церковного республиканизма с идеями выборного священства, некафолической общинности «миссионерских PR-технологий», восприятия священника как религиозного консультанта-психолога и продавца «религиозных услуг», а также широкий спектр либеральных политических инициатив.

Религиозная политология сегодня может быть осмыслена как часть программы новой Реформации, представляющей серьезную опасность для церковной традиции. Однако с Божьей помощью Церковь выдержит и это испытание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барт Р. (1989) Избранные работы: Семиотика: Поэтика. Прогресс, Москва. 616 с.

Коначева С. (2022) «Бог без суверенитета» и «священная анархия» Царства: «слабая» теология как геополитический проект. *Социологическое обозрение*. Т. 21. № 2. С. 214–229. DOI: 10.17323/1728-192x-2022-2-214-229

Михельсон О.К. (2014) От «псевдорелигии» и «квазирелигии» к «имплицитной религии». Теологизм в исследованиях современной религиозности. *Вестник Орловского государственного университета. Серия Новые гуманитарные исследования*. № 6(41). С. 255–258.

Разумовский Д.А. (2008) Метаморфозы постмодернистской церкви в интерьере «ретро-духовности». *Научный богословский портал «Богослов.Ru»*. 09.02.2008. URL: <https://bogoslov.ru/article/277615> (дата обращения: 24.03.2023).

Шмитт К. (2000) *Политическая теология*. КАНОН-пресс-Ц., Москва, Россия. 336 с.

Щипков А.В. (2021) Гродненский нарратив в контексте современной политической посттеологии. *Ортодоксия*. № 2. С. 224–242. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-2-224-242

¹ О попытках трансформации Церкви см. [Щипков, 2017].

² См., например: Белковский С. В ожидании русской Реформации. URL: <https://snob.ru/entry/167036>; Севастьянов Л. Православный блокчейн. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/11/11/78544-pravoslavnyy-blokcheyn> (дата обращения: 24.03.2023).

Щипков А.В. (2017) Территория Церкви. Церковь перед угрозой секулярной реформации. URL: <http://shchipkov.ru/32710> (дата обращения: 24.03.2023).

Caputo J.D. (2019) *Cross and Cosmos: A Theology of Difficult Glory*. Indiana University Press, Bloomington, USA. 308 p.

Milbank J. (2006) *Theology and social theory: beyond secular reason*. Blackwell Publishing Ltd. 448 p.

Theology and Politics. Political Attempts to Subordinate the Church

A.V. Schipkov*

Doctor of Sciences (Politics)

Rector of the Russian Orthodox University of St. John the Theologian

*Adviser to the Chairman of the State Duma of the Federal Assembly
of the Russian Federation, Krapivensky Lane, 4, Moscow, Russia, 127051*

***E-mail:** mail@shchipkov.ru

Abstract. The article reviews a cultural hybrid, which is defined as religious political science or “theopolitics”. Within the framework of this phenomenon, according to the author, the language of church mission and catechetical practices is subordinated to the discourse of political activists. Among the examples of such subordination are the so-called “maidan theology”, the Declaration on the “Russian World” Teaching, Polish political Catholicism, the accession of the Hrodna episcopate clergy to the “zmagar” political opposition in 2020, etc. Religious political science tends to consider politics itself as a religious practice; political theology, on the contrary, looks at political issues as something that should be brought in accordance with a theological canon. The goals of theopolitics are reached with the close application of modernist theology. The latter seeks to transform the Christian canon according to the secularism, in particular, to sacralize specific events in secular history – this principle is characteristic of concepts from the category of the so-called “theology after” (after Auschwitz, after 9/11, after the global pandemic, etc.) According to the author, the field of church mission is thus taken under control, preaching is reinterpreted in line with the political propaganda, the church is represented as a subsystem of a “civil society”. The author emphasizes the importance of the motives of the “weak Church” and “weak God” for creating a “theological” justification of the ideas of religious political science and concludes that theopolitics is one of the manifestations of the “new Reformation” (otherwise: secular reformation) aimed at secularisation of church institutions.

Keywords: modernist theology, new Reformation, political theology, religious political science, secular Reformation

DOI: 10.31857/S0201708323030129

EDN: btcijr

REFERENCES

Bart R. (1989) *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected works: Semiotics: Poetics], Progress, Moscow, Russia. (In Russian).

Konacheva S. (2022) «Bog bez suvereniteta» i «svyashchennaya anarhiya» Carstva: «slabaya» teologiya kak teopoliticheskij proekt [“God without sovereignty” and the “sacred anarchy” of the Kingdom: “weak” theology as a theopolitical project], *Sociologicheskoe obozrenie*, 21(2), pp. 214–229. DOI: 10.17323/1728-192x-2022-2-214-229 (In Russian).

Mihel'son O.K. (2014) Ot «psevdo religii» i «kvazireligii» k «implicitnoj religii». Teologizm v issledovaniyah sovremennoj religioznosti [From “pseudo-religion” and “quasi-religion” to “implicit religion”. Theologism in the studies of modern religiosity], *Vestnik Orlovskogo gosudar-stvennogo universiteta. Seriya Novye gumanitarnye issledovaniya*, 6(41), pp. 255–258. (In Russian).

Razumovskij D.A. (2008) *Metamorfozy postmodernistskoj cerkvi v inter'ere «retroduhovnosti»* [Metamorphoses of the postmodern church in the interior of “retro spirituality”], URL: <https://bogoslov.ru/article/277615> (accessed: 24.03.2023). (In Russian).

Shmitt K. (2000) *Politicheskaya teologiya* [Political Theology]. Sbornik. Perevody s nem. Zaklyuchit. stat'ya i sostavlenie A. Filippova. KANON-press-C., Moscow, Russia. (In Russian).

Shchipkov A.V. (2021) Grodnenskiy narrativ v kontekste sovremennoj politicheskoy postteologii [Grodno narrative in the context of modern political Ideology]. *Ortodoksiya*, 2, pp. 224–242. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-2-224-242 (In Russian).

Shchipkov A.V. (2017) *Territoriya Cerkvi. Cerkov' pered ugrozoy sekulyarnoj reforma-cii* [The Territory of the Church. The Church facing the threat of secular reform]. URL: <http://shchipkov.ru/32710> (accessed: 24.03.2023). (In Russian).

Caputo J.D. (2019) *Cross and Cosmos: A Theology of Difficult Glory*. Bloomington: Indiana University Press.

Milbank, J. (2006) *Theology and social theory: beyond secular reason*. John Milbank. 2nd ed. p. cm. Blackwell Publishing Ltd.